

«И НА ШТУРМАХ, И НА АКЦИЯХ БЫЛ ЖЕ ВЕЗДЕ БЕЗОТЛУЧНО...»: М. Я. ВОЛКОВ

1724 года мая 6 дня в канцелярию Правительствующего сената в Москве поступил очередной именной указ. На узком полулисте второй сверху строкой прерывистым почерком Отца Отечества, императора всероссийского Петра Великого, было начертано: «Маеора Волкова в потполковники в Семеновской полк»³¹⁹. Скупая строка высочайшего повеления означала, что «маеор Волков» стал не просто

подполковником, но еще и командиром Семеновского полка — одного из двух полков российской гвардии.

Впрочем, приведенный именной указ явился признанием не только военных заслуг гвардии майора Михаила Яковлевича Волкова. К исходу первой четверти XVIII века новоназначенный командир Семеновского полка сумел успешно проявить себя также и как администратор, и как следователь.

Каких-либо сведений о ранней биографии М. Я. Волкова выявить к настоящему времени не удалось. Неизвестным остался даже год его рождения. Неясно и то, к какому именно роду Волковых принадлежал Михаил Яковлевич.

По состоянию на 1699 год одних только дворян с фамилией Волков, владевших населенными имениями, в России насчитывалось 40 человек³²⁰. В свою очередь, 46 лиц с фамилией Волков входили на протяжении XVII века в состав уже упоминавшихся «царедворцев»³²¹ (хотя выше чина стольника никто из них не поднялся). Можно с определенностью утверждать, что М. Я. Волков не состоял ни в каких родственных связях с видным деятелем военного ведомства России первой трети XVIII века Алексеем Яковлевичем Волковым*. В принципе нельзя исключить, что будущий гвардии подполковник вообще не являлся по происхождению дворянином, а был выходцем из приказной или же посадской среды.

По свидетельству самого М. Я. Волкова, в службу он вступил в 1687 году — в Семеновский полк³²². Учитывая, однако, что учреждение полка состоялось только в 1695 году, не вызывает сомнений, что Михаил Яковлевич был первоначально зачислен в Семеновскую потешную роту. Судя по всему, он попал в расширенный набор в «потешные» воинские формирования, осуществленный Петром I как раз в 1687 году³²³.

Строевая карьера Михаила Волкова складывалась поначалу не особенно динамично. Долгие 12 лет он прослужил на должностях рядового и сержантского состава («в солдатстве и в унтер-афицерах»³²⁴). Лишь затем Михаил Яковлевич получил первый офицерский чин прапорщика.

* Карьера А. Я. Волкова прошла исключительно на канцелярских должностях. Пробыв длительное время личным секретарем А. Д. Меншикова, Алексей Волков дослужился впоследствии до поста советника Военной коллегии и до чина генерал-лейтенанта.

На протяжении второй половины 1690-х — первой половины 1710-х годов М. Я. Волкову довелось принимать почти ежегодное участие в боевых действиях. Как в 1727 году писал сам Михаил Яковлевич, «в азовских походах на двух штурмах был, а во время Шведской войны в четырех баталиях... и на штурмах, и на акциях был же везде безотлучно»³²⁵.

В ходе начальных кампаний Великой Северной войны Михаил Волков успел выступить и организатором строительных работ. Документально известно, что летом 1702 года адъютант Семеновского полка М. Я. Волков был одним из руководителей прокладки «Осударевой дороги» — сколь грандиозной, столь и не имевшей особого смысла трассы для волока кораблей с Белого моря в Онежское озеро³²⁶.

На фронтах войн с Турцией и Швецией Михаил Волков провел в общей сложности 20 лет. В строю Семеновского полка прошел тысячи верст — от лесов Карелии до степей Молдавии и от приазовских равнин до северогерманских земель.

О том, что М. Я. Волков находился всегда в боевых порядках полка, свидетельствовали полученные им ранения. Первый раз прапорщик Михаил Волков был ранен 19 ноября 1700 года³²⁷, во время упоминавшегося разгрома шведами русской осадной группировки под Нарвой. Затем было пулевое ранение в голову³²⁸ во время сражения при деревне Лесной 28 сентября 1708 года с корпусом шведского генерала Адама Людвиг Лёвенгаупта.

9 июля 1711 года, в бою с турками в окружении близ урочища Рябая Могила у реки Прут, Михаил Яковлевич был ранен ядром в правую ногу³²⁹. В том сражении М. Я. Волков оказался единственным старшим офицером гвардии, получившим ранение. Учитывая состояние тогдашней военной медицины, полное отсутствие средств анестезии и стерилизации, следует признать, что, с одной стороны, Михаилу Волкову довелось претерпеть немалые физические страдания, а с другой — что он обладал весьма крепким здоровьем.

Досконально знавший боевую службу гвардейцев Петр I по достоинству оценил заслуги М. Я. Волкова. К 1707 году он был произведен в гвардии капитаны, к 1709 году — в майоры, став батальонным командиром³³⁰. 3 августа 1711 года, сразу после выхода российских войск из «прутского котла», царь произвел Михаила Яковлевича в «полевые» бригадиры³³¹ (с сохранением прежней должности и чина гвардии майора).

Последним крупным сражением, в котором довелось принять участие Михаилу Волкову, явилась морская «баталия» в Рилакс-фиорде у полуострова Гангут* 27 июля 1714 года**. В этом сражении бригадир М. Я. Волков командовал сводным отрядом из военнослужащих пяти полков, общей численностью 1273 человека (включая 244 гвардейца), которые были размещены на шести галерах*** и дислоцированы на левом крыле российской группировки. В ходе длительного абордажного боя российские моряки и пехотинцы разгромили шведскую эскадру контр-адмирала Нильса Эреншельда (Nils Ehrenschöld), получившего семь ран, но оставшегося в живых и попавшего в плен³³².

В этом бою Михаил Волков получил последнее фронтовое ранение — картечью в левую руку³³³. Государевой наградой за Гангут стала памятная золотая медаль (с золотой цепью для ношения на шее), врученная Михаилу Яковлевичу 30 ноября 1714 года³³⁴.

В рамках боевой деятельности в годы Великой Северной войны М. Я. Волкову довелось также руководить розыском и захватом группы преступников. Это произошло на территории Речи Посполитой, неподалеку от Пинска****, где в первые дни февраля 1706 года некий дворянин Вяжицкий (Вежицкий) совершил предательское убийство тринадцати военнослужащих Семеновского полка во главе с капитаном Дмитрием Бабиным, которых он заманил в гости в свое имение.

По распоряжению командующего российской группировкой генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева 11 февраля 1706 года на поиск и задержание Вяжицкого и его сообщников были командированы три роты солдат под командованием капитанов Михаила Волкова и И. И. Дмитриева-Мамонова. Проведя осмотр места преступления, опрос окрестных жителей и прочесывание местности, Михаил Яковлевич сумел уже 17 февраля захватить в лесном массиве

* Ныне Ханко (фин. Hankoniemi) на юго-западном побережье современной Финляндии.

** Согласно статье 1-й Федерального закона от 13 марта 1995 года № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» дата Гангутского сражения (9 августа по новому стилю) внесена в число дней воинской славы России.

*** Действиями собственно галер в сражении руководил капитан галерного флота Л. М. Демьянов.

**** Ныне административный центр одноименного района Брестской области Республики Беларусь.

Вяжицкого и десятерых его слуг и крестьян. Об успехе операции Б. П. Шереметев незамедлительно доложил царю³³⁵.

Однако в полной мере привлечение М. Я. Волкова к «розыскным делам» состоялось более десяти лет спустя. При выработке в начале декабря 1717 года проекта указа об учреждении семи «майорских» следственных канцелярий Петр I назначил гвардии майора и бригадира Михаила Волкова презусом одной из них. Эта канцелярия должна была получить в производство подборку уголовных дел, возбужденных фискальской службой России в отношении оберштер-кригскомиссара* флота генерал-майора Г. П. Чернышева и азовского вице-губернатора С. А. Колычева³³⁶.

9 декабря в Санкт-Петербурге Михаил Яковлевич получил на руки подписанный царем список типового Наказа «майорским» канцеляриям с реестром подлежащих расследованию уголовных дел. В качестве ассессоров в канцелярию Михаила Волкова были определены: его подчиненный капитан А. П. Баскаков, командир 1-й роты Семеновского полка³³⁷, и капитан-поручик Преображенского полка Т. С. Тишин³³⁸. Несколько позднее ассессором канцелярии стал поручик Семеновского полка С. Л. Игнатьев³³⁹.

Уже 10 декабря М. Я. Волков направил в Правительствующий сенат «Пункты к доношению», в которых затребовал откомандировать в его распоряжение группу канцелярских служащих, выделить запас канцелярских принадлежностей, а заодно предоставить следователям служебное жилье поблизости от канцелярии³⁴⁰. Два дня спустя, 12 декабря, Михаил Яковлевич запросил у Сената все материалы по уголовным делам по обвинениям Г. П. Чернышева, а также бывшего смоленского вице-губернатора князя В. И. Гагарина³⁴¹. Из последнего документа очевидно, что вместо изначально предполагавшегося уголовного дела С. А. Колычева** в производство канцелярии М. Я. Волкова поступило дело Василия Гагарина.

Как явствует из архивных документов, попавший под следствие канцелярии Михаила Волкова генерал-майор Григорий Чернышев обвинялся в шести эпизодах получения взяток и злоупотребления должностными полно-

* Начальника снабжения.

** Расследование уголовного дела по обвинению С. А. Колычева было тогда полностью сосредоточено в следственной канцелярии гвардии майора С. А. Салтыкова, учрежденной 9 декабря 1717 года. О деле Степана Колычева будет подробнее рассказано ниже.

мочиями. Генерал-майору были, в частности, инкриминированы эпизоды хищения 40 тысяч рублей, получения в качестве взятки ярославского имения фискала И. Д. Тарбеева (за освобождение его от военной службы), незаконного привлечения солдат и каторжан к строительству Санкт-Петербургского дома. Князю В. И. Гагарину было предъявлено обвинение в преступной халатности при организации принудительного переезда из Смоленска в Санкт-Петербург «купецких людей».

Что касается расследования уголовного дела Г. П. Чернышева, то оно было завершено канцелярией Михаила Волкова менее чем за год. В ходе следствия эпизод принятия Григорием Петровичем взятки в виде помещичьего имения не нашел подтверждения, в результате чего следственная канцелярия предъявила фискалу Ивану Тарбееву обвинение в заведомо ложном доносе о совершении особо тяжкого преступления.

А вот эпизод строительства генеральского дома силами солдат и каторжан (заодно с использованием казенного леса) следственная канцелярия доказала. В связи с этим канцелярия дополнительно предъявила обвинение в незаконной продаже казенного леса комиссару Алексею Дирину. В октябре — ноябре 1718 года расследованные канцелярией дела Г. П. Чернышева, И. Д. Тарбеева и А. Дирина поступили для рассмотрения в особое военно-судебное присутствие, состоявшее из глав и ассессоров «майорских» канцелярий.

6 октября 1718 года военно-судебное присутствие приговорило Григория Чернышева к лишению чинов и конфискации имущества. Алексей Дирин был осужден к штрафу в 600 рублей³⁴². При утверждении приговора Петр I смягчил санкцию Г. П. Чернышеву и ужесточил — А. Дирину.

По всей очевидности, приняв во внимание немалые боевые заслуги Григория Чернышева (получившего пять ранений на фронтах Великой Северной войны), царь заменил ему лишение чинов арестом на пять суток, а конфискацию имущества — штрафом в 372 рубля (сумму тройного денежного содержания солдат и половинного содержания каторжников за то время, пока они работали на строительстве генеральского дома). Алексею Дирину глава государства дополнительно назначил наказание кнутом и ссылкой на каторгу сроком на один год³⁴³.

25 ноября 1718 года военно-судебное присутствие вынесло решение по делу И. Д. Тарбеева. За ложный донос он

был приговорен к смертной казни с конфискацией имущества. При утверждении приговора Петр I заменил бывшему фискалу смертную казнь на вырезание ноздрей и пожизненную ссылку гребцом на галеры³⁴⁴.

Сведений об итогах расследования дела князя В. И. Гагарина выявить к настоящему времени не удалось. Следственная канцелярия М. Я. Волкова то ли не сумела изобличить бывшего вице-губернатора в инкриминированном эпизоде, то ли уголовное преследование было прекращено по решению царя. По крайней мере, 8 марта 1720 года князь Василий Гагарин был назначен судьей Санкт-Петербургского надворного суда, а 20 июня 1722 года — прокурором Московского надворного суда (где проявил себя, стоит признать, весьма достойно)³⁴⁵.

Следственной канцелярией Михаил Волков руководил значительно меньше времени, нежели остальные гвардии майоры, назначенные презусами 9 декабря 1717 года. И дело было отнюдь не в недовольстве, возникшем у главы государства по поводу «розысков» Михаила Яковлевича. Наоборот, 1 января 1721 года Петр I присвоил бригадиру М. Я. Волкову очередной воинский чин генерал-майора³⁴⁶.

От руководства следственной канцелярией Михаила Волкова отвлекло очередное высочайшее поручение. 27 января 1721 года царь направил Михаила Яковлевича в Новгородский уезд, чтобы разместить там пехотный и кавалерийский полки. Это внешне обычное задание в действительности являлось сложнейшим военно-административным экспериментом, в ходе которого предстояло отработать принципиально новую схему как постоянной дислокации полевых частей и соединений российской армии, так и организации их денежного содержания за счет местного населения. В связи с этим генерал-майору М. Я. Волкову предстояло также установить точное число плательщиков подушной подати — тяглых «душ» мужского пола.

Проведя в Новгороде почти год, интенсивно переписываясь с Военной коллегией, Сенатом и Петром I, Михаил Яковлевич успешно справился с возложенным на него поручением. Он сумел в сжатые сроки не только организовать размещение полков по деревням, но и, проведя масштабные розыскные мероприятия, установить массовую утайку тяглых «душ». Уже в июле 1721 года генерал-майор доложил Сенату о выявлении им 33,5 тысячи неучтенных душ,

что составило одну пятую (!) мужской части крестьянского населения уезда³⁴⁷.

После успеха «новгородского эксперимента» император принял решение ввести военно-податную систему по всей территории России. В феврале 1722 года было одновременно учреждено девять канцелярий «свидетельства мужеского пола душ». Во главе каждой из них был поставлен либо старший офицер гвардии, либо высший офицер армии. Генерал-майору и гвардии майору Михаилу Волкову предстояло провести реформу на территории Санкт-Петербургской губернии, охватывавшей тогда весь северозапад России.

Обосновавшись вновь в Новгороде, проявив себя как весьма энергичный, жесткий, но при этом неподкупный управленец, М. Я. Волков справился и с этой задачей³⁴⁸. Очередной наградой явилась приведенная выше высочайше начертанная строка: «Маеора Волкова в потполковники в Семеновской полк»...

Последовавшие в январе 1725 года кончина Петра I и воцарение Екатерины I не поколебали положения М. Я. Волкова в правительственной среде. 21 мая он был в числе первых в России пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского³⁴⁹ (одновременно со своими многолетними полковыми сослуживцами и недавними соратниками по руководству «майорскими» канцеляриями И. И. Дмитриевым-Мамоновым и И. М. Лихаревым, а также заодно с бывшим подследственным Г. П. Чернышевым).

7 мая 1726 года Михаил Яковлевич был произведен в генерал-лейтенанты³⁵⁰. Однако вскоре ему пришлось навсегда оставить военную службу.

Сегодня затруднительно понять, что именно побудило М. Я. Волкова подать в октябре 1727 года новому императору Петру II челобитную об отставке по состоянию здоровья. Возможно, Михаил Волков был слишком тесно связан с А. Д. Меншиковым, бесповоротно попавшим в сентябре 1727 года в государеву опалу. Не исключено, что начали сказываться последствия фронтовых ранений и он в самом деле испытал тогда ухудшение здоровья. Может, и не преувеличивал Михаил Яковлевич, когда писал в челобитной, что от «головной болезни» ему «приходит ныне повседневно обморок и лом*»? Если вспомнить, что одно из ранений

* Острые приступы головной боли.

Михаил Волков получил именно в голову, подобные жалобы ветерана, вероятно, не являлись отговоркой. Как бы то ни было, 20 ноября 1727 года последовал именным указ об увольнении Михаила Волкова из армии «за тяжкими его ранами и за многими службами»³⁵¹.

Однако прошло лишь два года, и Михаила Яковлевича вновь призвали для выполнения следственного поручения. 14 ноября 1729 года секретным именным указом генерал-лейтенанту М. Я. Волкову было предписано отправиться в Симбирский уезд для расследования нескольких вооруженных нападений, устроенных крестьянами села Воскресенского на соседние деревни, принадлежавшие канцлеру графу Г. И. Головкину и действительному тайному советнику князю И. Ф. Ромодановскому. Деликатность ситуации заключалась в том, что владелицей села Воскресенского являлась не просто знатная дворянка, а сама цесаревна Елизавета Петровна, младшая дочь покойного Петра I.

Отправляясь в Симбирск, Михаил Яковлевич добился, чтобы к нему прикомандировали гвардии подпоручика Василия Коренева, гвардии прапорщика Гавриила Дубасова, секретаря Федора Тимофеева и четырех солдат личной охраны³⁵². По существу, на исходе 1729 года при М. Я. Волкове образовалась, хотя и в миниатюре, новая следственная канцелярия.

Поскольку материалы симбирского следствия М. Я. Волкова не вводились в научный оборот, его подробности и итоги остались неизвестными. Однако если учесть, что 9 января 1730 года тяжело занемогший Петр II указал Михаилу Волкову расследовать теперь уже нападения крестьян И. Ф. Ромодановского на село Воскресенское³⁵³, то возможно с уверенностью предположить, что бывшему командиру Семеновского полка довелось осуществлять никак не менее сложное следствие, нежели во времена руководства «майорской» канцелярией. Вместе с тем вынужденное пребывание вдали от Санкт-Петербурга явилось прологом нового витка карьеры М. Я. Волкова.

Благополучно переждав в симбирской глуши бурные события вступления на престол императрицы Анны Иоанновны, Михаил Волков достиг в 1730-е годы вершины своей правительственной карьеры. Никогда не входивший в ближайшее окружение императрицы, Михаил Яковлевич получил при ней должности главы Канцелярии сбора

оставшихся за указными расходами денег*, ставшей, по существу, резервным казначейством России, главы Мастерской и Оружейной палат, главы Коллегии экономии и Раскольнической конторы синодального ведомства³⁵⁴.

22 сентября 1735 года Михаил Волков стал также членом Московской конторы Сената (Московской Сенатской конторы), что, по существу, приравнивало его по статусу к сенатору³⁵⁵. Главой конторы с 1733 года состоял граф С. А. Салтыков, многолетний сослуживец Михаила Яковлевича по гвардии и соратник по руководству «майорскими» канцеляриями. В итоге, по причудливому изгибу кадровой политики императрицы Анны Иоанновны, на протяжении второй половины 1730-х годов фактическими «хозяевами» Москвы являлись бывшие следователи Петра I Семен Салтыков и Михаил Волков.

27 мая 1741 года М. Я. Волков был произведен в генерал-аншефы³⁵⁶ — предпоследний чин перед генерал-фельдмаршалом. Это было, однако, последнее повышение в жизни Михаила Яковлевича.

Несмотря на то что пришедшая к власти в ноябре 1741 года императрица Елизавета Петровна подчеркнуто благоволила к сподвижникам Петра I, к Михаилу Волкову она отнеслась, по неясной причине, с очевидным недоверием. Возможно, у новой императрицы сохранились негативные воспоминания о том, как Михаил Яковлевич провел в 1729—1730 годах расследование дела о междоусобных столкновениях ее крестьян из села Воскресенского с соседями. Что бы там ни было, к концу 1742 года М. Я. Волков лишился всех своих должностей.

И хотя в июле 1744 года Михаил Волков был возвращен к руководству воссозданной Канцелярией сбора оставшихся за указными расходами денег, сколько-нибудь заметной роли в правительственной среде он более не играл. Как было верно отмечено первым биографом Михаила Яковлевича, «честность, попечительность и опыт» бывшего командира Семеновского полка «стали не нужны, а воинские заслуги забыты»³⁵⁷. 19 июля 1751 года «пополудни в 6-м часу» Михаил Яковлевич скончался³⁵⁸.

Место захоронения генерал-аншефа М. Я. Волкова установить к настоящему времени не удалось.

* В официальном делопроизводстве эта канцелярия именовалась также «Канцелярия ведения генерала-поручика Волкова по сбору остаточных штатных сумм».